

или иное отношение к тексту, он сам принадлежал к определенной социальной среде или работал для определенной среды — рукопись имела идейное назначение, предназначалась для использования ее в той или иной обстановке. Наконец, средневековый книжник работал в определенной исторической обстановке, имел свои убеждения, свой круг начитанности и «наслышанности» и т. д. и т. п. Все это обязан учитывать текстолог. Вот почему знания текстолога не могут ограничиваться одной какой-либо областью. Чем шире знания текстолога и чем «мобильнее» он ими пользуется, чем шире круг тех объяснений, которые он может привлечь к своей работе, — тем успешнее он работает. Текстологи, пытавшиеся ограничиться механическим анализом разночтений и только на этом анализе строившие взаимоотношения списков, до крайности сужали свои возможности.

В нашу задачу не может входить всестороннее рассмотрение всех тех сведений, которые могут пригодиться текстологу в его исследованиях. Сосредоточим свое внимание на самом процессе работы древнерусского книжника с той целью, чтобы дать представление о разнообразии явлений в этой области, которые должен учитывать текстолог.

Процесс письма

Заглянем через плечо древнерусского книжника. Он сидит на «стульце», положив рукопись на колени¹. Рядом с ним на низком небольшом столике письменные принадлежности: чернильница и киноварница, маленький ножик для подчисток неправильно написанных мест и чинки перьев, пещочница, чтобы присыпать песком непросохшие чернила. Он пишет не в переплетенной книге², а в отдельных тетрадях, т. е. согнутых в два, в четыре раза листах пергамента или бумаги, которые только потом переплетают в книгу, и иногда очень нескоро. Поэтому, если книга не сочинялась, а только переписывалась, одну и ту же книгу могли писать одновременно несколько переписчиков: один писал ее первые листы, другие — их продолжение (в уже переплетенных книгах обычно не писали: писали на листах, которые затем переплетались).

Если писцы писали не одновременно, а последовательно, то промежутка между почерками не получалось: кончил один и на том же месте принялся другой. Но в древнерусских рукописях чаще всего встречается другой тип смены почерков: один почерк кончается, затем следует чистое окончание тетради (незаполненный лист или часть листа), а следующий почерк начинается уже со следующего листа. Очень часто такая смена почерков означает, что писцы переписывали расшитую по тетрадям рукопись и каждый писец

¹ Столы были низкими и на них при работе лежали письменные принадлежности.

² Единственное известное мне исключение — рукопись 1665 г. БАН, № 32.5.7, но писана она русским писцом в Стокгольме (см.: Д. С. Лихачев. «Плач о реке Нарове 1665 г.». — ТОДРЛ, т. VI. М.; Л., 1948. С. 333–338).

имел определенный «урок». Уверенность в таком характере работы у нас возрастает, если текст нового почерка будет начинаться со случайного места: например, с середины фразы. Это означает, что писец получил в свое распоряжение в качестве оригинала («матицы») тетрадь с продолжением текста.

Как мы увидим в дальнейшем, такой способ работы может сообщить исследователю очень много данных, чтобы судить об оригинале рукописи и о тексте. Целый ряд особенностей текста может вызываться именно таким характером переписки рукописи. В частности, на свободных, оставшихся незаполненными листах тетради очень часто читатели делали свои приписки и дополнения. Особенно часты эти приписки в конце всей рукописи или даже в ее середине, если это допускал сам жанр произведения: например, жанр летописи, разрешавший бесконечные дополнения в тексте¹.

В тексте писец обычно оставляет свободные места для заставок, инициалов, иногда и для миниатюр, если они предполагаются. Особый художник делает все эти украшения. И в этом случае могут получиться специфические изменения текста: то художник забудет воспользоваться оставленным ему местом, то рукопись вообще не попадет ему и оставленные для него места останутся незаполненными, то он нарисует не тот инициал. Простые киноварные буквы и целые строки писец пишет по большей части сам, но и здесь он может написать их не сразу, забыть о них, а текст и от этого претерпит характерные изменения².

Оригинал, с которого книжник переписывает или который он перерабатывает, с которым он сличает свою рукопись, лежит не рядом: на коленях места немного. И от этого могут произойти также типичные изменения текста, ошибки и опущения. Оригинал далеко — его можно плохо прочесть, случится и забыть текст, пока пишешь, а снова заглянув в него — перескочить глазом с одной строки на другую и прочесть не тот текст.

Общая характеристика изменений текста

Попробуем дать предварительную характеристику этих изменений, которые вносит книжник в свой текст. Ведь восстановление происхождения ошибки или изменения текста есть вернейший путь к установлению его истории. Ошибку в тексте можно заметить легко, но, чтобы определить, каково было первоначальное чтение исследуемого текста, и доказать, что оно было именно таким, а не иным, надо определить, в чем состояла ошибка и как она произошла.

¹ Ср. «наращения» иными почерками в тексте Типографской летописи (А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 285).

² Так, в тексте Радзивилловской летописи на л. 217 написано «лѣбъ» вм. «Глѣбъ», а на л. 217 об. «рополкъ» вм. «Ярополкъ». В обоих случаях писец забыл проставить киноварные буквы.